

Говард Филлипс Лавкрафт

Херберт Уэст, оживляющий мертвых

(Herbert West – Reanimator)

I. Из тьмы

О моем друге Херберте Уэсте я вспоминаю с содроганием. Ужас охватывает меня не только при мысли о его зловещем исчезновении, но и о тех необычных занятиях, которым он себя посвятил. История эта началась семнадцать лет назад в Аркхеме, в бытность нашу студентами медицинского факультета Мискатоникского университета. Пока я находился рядом с Уэстом, дьявольская изощренность его экспериментов завораживала меня, и я сделался его ближайшим помощником. Теперь же, когда он исчез, чары рассеялись и меня неотступно терзает страх. Воспоминания и дурные предчувствия ужаснее любой действительности.

Первый кошмарный случай произошел вскоре после нашего знакомства – тогда он поверг меня в шок, даже теперь, вспоминая о нем, я трепещу от страха. Как я уже говорил, мы с Уэстом учились на медицинском факультете, где он очень скоро приобрел известность благодаря своим дерзким теориям о природе смерти и искусственных способах ее преодоления. Его взгляды, осмеянные профессурой и студентами, исходили из механистического понимания природы жизни. С помощью управляемой химической реакции Уэст надеялся вновь запустить механизм человеческого тела после того, как естественные процессы в нем угасли. В ходе своих экспериментов с различными оживляющими растворами он загубил несметное число кроликов, морских свинок, кошек, собак и обезьян, восстановив против себя весь факультет. Несколько раз ему удавалось обнаружить признаки жизни у предположительно мертвых животных, часто – несомненные признаки, однако очень скоро он понял, что совершенствование процесса потребует от него всей жизни. Он также понял, что один и тот же раствор по-разному действует на разные виды животных, поэтому в дальнейшем для проведения специальных опытов ему понадобятся человеческие трупы. Именно тогда у Уэста возник конфликт с факультетскими властями, и он был отстранен от опытов самим деканом, добрым и просвещенным Алланом Халси, чью неусыпную заботу о страждущих и поныне вспоминают старожилы Аркхема. Я всегда терпимо относился к исследованиям Уэста и часто обсуждал с ним его теории со всеми их бесконечными следствиями и выводами. Разделяя взгляды Геккеля на жизнь, согласно которым последняя сводится к физическим и химическим процессам, а так называемая душа – не более чем миф, мой друг полагал, что успех искусственного оживления напрямую зависит от состояния тканей умершего: коль скоро разложение еще не началось, то с помощью верно подобранных средств сохранное тело можно вернуть в первоначальное состояние, называемое жизнью. Уэст полностью отдавал себе отчет в том, что даже незначительное повреждение чувствительных клеток мозга, происходящее в первые моменты после смерти, способно повлечь за собой нарушение физической или умственной деятельности оживляемого. Сначала он пытался с помощью особого реактива возбудить в умирающем жизненную энергию, но ряд неудачных опытов на животных заставил его

убедиться в несовместимости естественных и искусственных проявлений жизни. Это обстоятельство и вызвало недоверие профессуры: на основании поверхностных впечатлений ученые мужи решили, что подопытные животные лишь казались мертвыми. Факультетские власти продолжали придирчиво наблюдать за деятельностью моего друга.

Вскоре после того, как Уэсту запретили пользоваться лабораторией, он сообщил мне о своем решении любыми путями отыскивать свежие трупы и тайно продолжать исследования. Слушать его рассуждения на эту тему было жутко: студенты факультета никогда не добывали материал для опытов сами. Поскольку обратиться в морги мы не могли, то прибегли к услугам двух местных негров, которые не задавали лишних вопросов. В то время Уэст был невысоким стройным юношей в очках, с тонкими чертами лица, светлыми волосами, бледно-голубыми глазами и тихим голосом; странно было слышать, как он рассуждал о преимуществах кладбища для бедняков перед кладбищем церкви Иисуса Христа, где накануне погребения практически все трупы бальзамировались, что губительно сказывалось на наших опытах.

Я был деятельным и преданным союзником Уэста и не только помогал добывать материал для его гнусных опытов, но и подыскивал для них укромное место. Именно я вспомнил о заброшенном доме Чапмана за Мидоу-Хилл. На первом этаже мы устроили операционную и лабораторию, завесив окна темными шторами, дабы скрыть наши полуночные занятия. Хотя дом стоял на отшибе, вдали от дороги, меры предосторожности не представлялись лишними: слухи о странных огнях, замеченных прохожими, могли бы положить конец нашим исследованиям. На случай расспросов мы условились называть нашу операционную химической лабораторией. Мало-помалу мы оснастили наше мрачное убежище приборами, приобретенными в Бостоне или беззастенчиво позаимствованными на факультете, – причем позаботились о том, чтобы непосвященные не догадались об их назначении, – а также запаслись ломом и лопатами, чтобы закапывать трупы в подвале. На факультете в аналогичных случаях мы пользовались печью для сжигания, однако это полезное устройство было нам не по карману. Избавляться от трупов было постоянной морокой – даже крошечные тушки морских свинок, над которыми Уэст тайно экспериментировал у себя в комнате, доставляли нам массу хлопот.

Мы с жадностью вампиров изучали сообщения о смерти, поскольку для наших опытов годился не всякий покойник. Мы искали относительно свежий, не изуродованный болезнью труп, для сохранения которого не применялись искусственные средства. Пределом мечтаний для нас были жертвы несчастных случаев. Многие недели нам не удавалось найти ничего подходящего, хотя мы и наводили справки в морге и больнице якобы в интересах факультета. Но обращаться туда слишком часто мы не могли, так как боялись вызвать подозрения. Обнаружив, что право первого выбора принадлежит университету, мы с Уэстом приняли решение остаться в Аркхеме на лето, когда там проводятся летние курсы. Наконец удача нам улыбнулась: в один прекрасный день нам подвернулся почти идеальный случай. Здоровый молодой рабочий, утонувший в пруду лишь прошлым утром, без лишних проволочек и бальзамирования был похоронен за счет города на кладбище для бедняков. Отыскав его свежую могилу, мы уговорились вернуться к ней сразу после полуночи.

Ночью, прибыв на место, мы с отвращением приступили к делу – тогда мы еще не знали страха перед кладбищами, который возник у нас позднее. Мы захватили с собой лопаты и потайные масляные лампы. В то время электрические фонари были уже в ходу, однако надежностью уступали нынешним. Раскапывать могилу оказалось делом тяжелым и грязным – впрочем, будь мы художниками, а не учеными, возможно, мы бы сумели усмотреть в нашей работе нечто завораживающее и поэтическое. Когда наши лопаты стукнулись о дерево, мы с облегчением вздохнули. Вскоре из-под земли показался сосновый гроб. Уэст спрыгнул вниз, снял крышку, вытащил труп и приподнял его. Я нагнулся над ямой, выволок труп, и мы вдвоем принялись торопливо забрасывать могилу землей, чтобы вернуть ей прежний вид. Нервы у нас были взвинчены до предела – не последнюю роль в этом сыграло окоченевшее тело и бесстрастное лицо нашей первой жертвы, – но мы сумели уничтожить все следы. Затем, упрятав наш трофей в холщовый мешок, мы поспешили к дому старого Чапмана за Мидоу-Хилл.

На импровизированном секционном столе при свете яркой ацетиленовой лампы наш подопытный не слишком походил на привидение. Это был крепко сбитый и явно не слишком впечатлительный юноша с простонародной внешностью: русыми волосами, серыми глазами и грубыми чертами лица – сильное животное без психологических изысков, жизненные процессы которого наверняка отличались простотой и здоровьем. Теперь, с закрытыми глазами, он походил скорее на спящего, чем на мертвого, хотя внимательный осмотр, проведенный Уэстом, не оставил на этот счет никаких сомнений. Наконец-то нам удалось раздобыть то, о чем мой друг всегда мечтал: идеального мертвеца, готового принять раствор, специально приготовленный для человека в соответствии с самыми точными расчетами и теориями. Мы страшно волновались. Не рассчитывая на полный успех, мы опасались непредсказуемых последствий неполного оживления. Особенно нас беспокоило состояние мозга и психики испытуемого: за время, прошедшее с момента смерти, нежные клетки мозга могли пострадать. Я, со своей стороны, еще не совсем избавился от традиционных представлений о так называемой душе и чувствовал некоторый трепет при мысли о том, что вскоре, быть может, услышу повествование о тайнах загробного мира. «Что видел в недоступных сферах этот мирно покоящийся юноша, что он расскажет нам, вернувшись к жизни?» – думал я. Но эти размышления не слишком отягощали меня, ибо по большей части я разделял материализм своего друга, который держался гораздо увереннее меня. Он хладнокровно ввел в вену трупа изрядное количество заготовленной жидкости и крепко перебинтовал разрез.

Время тянулось мучительно медленно, однако Уэст не терял самообладания. Он то и дело прикладывал стетоскоп к груди юноши и философски отмечал отсутствие признаков жизни. Спустя три четверти часа он с огорчением констатировал, что раствор не подействовал. Но прежде чем расстаться с нашим зловещим трофеем, мой друг решил до конца использовать представившуюся возможность и испытать на трупе новый препарат. Еще днем мы выкопали в подвале могилу, рассчитывая до рассвета предать тело земле, – хоть мы и запирали дверь на засов, но соблюдали все меры предосторожности, чтобы никто не обнаружил наших богомерзких занятий. К тому же на следующую ночь труп уже не будет достаточно свежим. Поэтому, забрав единственную ацетиленовую лампу в соседнюю комнату, мы оставили нашего безмолвного гостя в

темноте и спешно принялись готовить новый раствор, взвешивая и отмеряя нужные ингредиенты почти с фанатичной тщательностью.

Затем случилось нечто совершенно непредвиденное. Я что-то переливал из одной пробирки в другую, а Уэст возился со спиртовкой, заменявшей газовую горелку, как вдруг из соседней темной комнаты послышались душераздирающие крики. Я не в силах описать эти адские звуки, от которых кровь стыла в жилах: словно сама преисподняя разверзлась, исторгнув стенания грешников. В чудовищной какофонии слились вселенский ужас и безысходное отчаяние. Человеческими эти вопли никак нельзя назвать – человек не способен издавать такие звуки. Забыв о наших честолюбивых планах, мы с Уэстом бросились к ближайшему окну, опрокидывая пробирки, реторты и лампу, и, словно раненые звери, ринулись в звездную пучину ночи. Наверное, мы сами истошно вопили, в ужасе мчась к городу, однако, достигнув окраин, опомнились и постарались взять себя в руки – с большим трудом нам это удалось, и вскоре мы уже могли сойти за гуляк, бредущих с ночной попойки.

Но, вместо того чтобы разойтись по домам, мы отправились к Уэсту, где прошептались всю ночь при свете газового рожка. К рассвету, перебрав в уме все рациональные теории и планы исследования, мы немного успокоились и проспали весь день – пропустив занятия. Однако вечером две заметки в газете, совершенно не связанные между собой, вновь лишили нас сна. По неизвестной причине заброшенный дом Чапмана сгорел дотла – это мы объяснили опрокинутой лампой. Кроме того, на кладбище для бедняков была совершена попытка осквернить свежую могилу: кто-то безуспешно пытался раскопать ее когтями. Этого мы понять не могли, потому что тщательно утрамбовали землю лопатой.

ВСЕ ПОСЛЕДНИЕ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ Уэст то и дело оглядывался назад и жаловался мне, что слышит за спиной тихие шаги. А теперь он исчез.

II. Демон эпидемии

Я никогда не забуду ужасное лето, когда, подобно губительному африту, покинувшему чертоги Эблиса, в Аркхеме свирепствовал тиф. Это случилось шестнадцать лет назад, но память о дьявольской каре еще жива, ибо невыразимый ужас накрыл тогда своими перепончатыми крыльями ряды гробов на кладбище церкви Иисуса Христа. Однако мне тот год памятен по мучительному страху, причину которого теперь, когда Херберт Уэст исчез, знаю я один.

Мы с Уэстом занимались на летних курсах медицинского факультета, где он приобрел печальную известность своими опытами по оживлению трупов. Мой друг принес на алтарь науки несметное множество мелких животных, и наш скептически настроенный декан, доктор Аллан Халси, запретил ему проводить исследования. Однако Уэст тайком продолжал испытания в своей убогой комнатке в пансионе, а как-то раз выкопал свежий труп из могилы на кладбище для бедняков и приволок его в заброшенный загородный дом за Мидоу-Хилл, о чем я до сих пор вспоминаю с содроганием.

В тот злополучный день я находился рядом с Уэстом и видел, как он впрыскивал в застывшую вену эликсир, пытаясь восстановить химические и физические процессы в мертвом теле. Предприятие наше закончилось полным крахом. Мы испытали приступ

панического ужаса, который, как мы впоследствии решили, стал результатом нервного перенапряжения. Впоследствии Уэст так и не смог избавиться от жуткого ощущения, будто кто-то крадется за ним по пятам. Все дело было в том, что труп оказался недостаточно свежим – нормальную психическую деятельность можно восстановить только у абсолютно свежего трупа, – к тому же пожар помешал нам похоронить беднягу. Уж лучше бы нам знать, что он лежит в могиле.

После этого случая Уэст ненадолго прекратил свои опыты, но мало-помалу научное рвение к нему вернулось, и он принялся докучать факультетским властям просьбами разрешить ему использовать секционную комнату и свежие трупы для работы, которую считал чрезвычайно важной. Его мольбы не возымели успеха: решение доктора Халси было незыблемым, остальные преподаватели одобряли приговор декана. В смелой теории реанимации они усмотрели лишь блажь молодого энтузиаста. Глядя на его мальчишескую фигуру, светлые волосы и голубые глаза за стеклами очков, невозможно было себе представить, что за этим вполне заурядным обликом скрывается сверхъестественный – почти дьявольский – ум. Херберт Уэст и сейчас стоит у меня перед глазами, и меня пробирает дрожь. С годами он не постарел, хотя лицо его стало жестче. А теперь он исчез, и на Сефтон обрушилось несчастье.

В конце последнего семестра между Уэстом и доктором Халси завязался ожесточенный спор, в котором добрый декан проявил гораздо больше выдержки, чем мой друг, которому надоели бессмысленные препятствия, тормозящие его великий труд. Он, разумеется, намеревался продолжать исследования своими силами, однако не понимал, почему бы ему не приступить к ним сейчас же, имея в распоряжении великолепное университетское оборудование. Ограниченность старших коллег, не желавших признавать его уникальных достижений и упорно отрицавших саму возможность оживления, была совершенно непонятна и глубоко противна не умудренному жизнью логическому темпераменту Уэста. Лишь зрелость помогла ему понять хроническую умственную недостаточность «профессоров и докторов» – потомков истовых пуритан, уравновешенных, честных, порою мягких и добросердечных, но всегда ограниченных, нетерпимых, слепо преданных традиции и не видящих дальше своего носа. К этим несовершенным, но возвышенным характерам, чьим главным пороком является трусость, с возрастом относишься терпимее; впрочем, они, став всеобщим посмешищем, и так наказаны за свои интеллектуальные грехи: приверженность птолемеевой системе, кальвинизм, антидарвинизм, антииницианство, а также саббатарианство. Уэст, несмотря на блестящие научные достижения, был еще очень молод и без должного почтения отнесся к доброму доктору Халси и его ученым коллегам; в нем росло чувство обиды вкупе с желанием доказать свои теории этим узколобым знаменитостям каким-нибудь необычным, потрясающим воображение способом. Как и большинство молодых людей, он с упоением лелеял планы мести, триумфа и великодушного прощения в финале.

И вот из мрачных пещер Тартара, ухмыляясь, выполз смертоносный тиф. Мы с Уэстом уже сдали выпускные экзамены, но остались для дополнительных занятий на летних курсах. Когда эпидемия со всей демонической силой обрушилась на город, мы находились в Аркхеме. Хотя нам присвоили только степень магистра без права на частную практику, мы тут же включились в борьбу с эпидемией, так как число ее жертв

стремительно росло. Ситуация едва не вышла из-под контроля: смерти следовали одна за другой, и местные гробовщики перестали справляться со своей работой. Похороны проводились в спешке, трупы не бальзамировались, и даже склеп на кладбище церкви Иисуса Христа был заставлен гробами, в которых лежали незабальзамированные мертвецы. Это обстоятельство не укрылось от глаз Уэста, который часто размышлял над иронией судьбы – вокруг полно свежих трупов, и ни один мы не используем по назначению! Мы падали с ног от усталости. Из-за умственного и нервного перенапряжения мысли моего друга приняли болезненную окраску.

Однако мягкосердечные враги Уэста были измотаны ничуть не меньше нашего. Медицинский факультет, в сущности, закрылся, все как один сражались со смертоносным тифом. Особо выделялся своим самопожертвованием доктор Халси, его огромная эрудиция и кипучая энергия спасли жизнь многим больным, от которых отказались другие врачи – либо из боязни заразиться, либо сочтя их положение безнадежным. Не прошло и месяца, как бесстрашный декан стал признанным героем, хотя, казалось, не подозревал о собственной славе, сражаясь с физической усталостью и нервным истощением. Уэста не могла не восхитить сила духа его противника, и именно поэтому он твердо решил доказать ему справедливость своих дерзких теорий. Воспользовавшись неразберихой, царившей на факультете и в городской больнице, он ухитрился раздобыть свежий труп, ночью тайно пронес его в университетскую секционную и ввел ему в вену новую модификацию раствора. Мертвец широко открыл глаза, в невыразимом ужасе уставился на потолок и вновь погрузился в небытие, из которого его уже ничто не могло вернуть. Уэст объяснил, что экземпляр недостаточно свеж – жаркий летний воздух не идет на пользу трупам. На этот раз нас едва не застигли на месте преступления, но мы успели сжечь тело, и Уэст высказал сомнение в целесообразности повторного использования университетской лаборатории.

Пик эпидемии пришелся на август. Уэст и я умирали от усталости, а доктор Халси и в самом деле умер четырнадцатого числа. В тот же день его в спешке похоронили. На кладбище присутствовали все студенты, купившие в складчину пышный венок, который все же оказался не таким роскошным, как венки от зажиточных горожан и муниципалитета. Церемония носила публичный характер: покойный декан сделал городу много добра. После погребения мы все немного приуныли и провели остаток дня в баре Торговой палаты, где Уэст, хотя и потрясенный смертью главного оппонента, приставал ко всем с разговорами о своих замечательных теориях. К вечеру большинство студентов отправились домой или по делам, а меня Уэст уговорил «отметить это событие». Около двух ночи хозяйка, у которой Уэст снимал комнату, видела, как мы входили в дом, ведя под руки кого-то третьего, и сказала мужу, что, видно, мы попиروвали на славу.

Злослычная матрона оказалась права, ибо около трех ночи дом был разбужен истошными криками, доносившимися из комнаты Уэста. Выломав дверь, перепуганные жильцы увидели, что мы лежим на полу без сознания, избитые, исцарапанные, в разодранной одежде, среди расколотых пузырьков и покоруженных инструментов. Распахнутое окно поведало о том, куда исчез наш обидчик. Многие удивлялись, как ему удалось уцелеть, прыгнув со второго этажа. По всей комнате валялись странные предметы одежды, но Уэст, придя в сознание, сказал, что они не имеют к незнакомцу

никакого отношения, а собраны для бактериального анализа у заразных больных. И приказал побыстрее сжечь их в большом камине. Полиции мы заявили, что не знаем нашего гостя. Это был, нервничая заявил Уэст, приятный незнакомец, которого мы встретили в одном из баров в центре города. Приняв во внимание тот факт, что все мы были тогда навеселе, мы с Уэстом не стали настаивать на розыске нашего драчливого спутника.

В ту же ночь в Аркхеме произошло второе кошмарное событие, затмившее, на мой взгляд, даже ужасы эпидемии. Кладбище церкви Иисуса Христа стало ареной зверского убийства: местный сторож был растерзан чьими-то когтями с жестокостью, заставляющей усомниться в том, что виновником убийства был человек. Беднягу видели живым далеко за полночь, а на рассвете обнаружилось то, что язык отказывается произнести. В соседнем Болтоне был допрошен владелец цирка, но он поклялся, что ни один из зверей не убегал из клетки. Нашедшие тело сторожа заметили кровавый след, ведущий к склепу, где на каменных плитах перед входом краснела маленькая лужица. От нее тянулся к лесу менее заметный след, который постепенно делался неразличимым.

Следующей ночью на крышах Аркхема плясали дьяволы, а в диких порывах ветра завывало безумие. На взбудораженный город обрушилась казнь, которая, как говорили одни, оказалась страшнее чумы и, как шептали другие, была ее воплощением. Нечто, чему нет имени, проникло в восемь домов, сея красную смерть – на счету у безгласного монстра было семнадцать в клочья растерзанных тел. Несколько человек смутно видели его в темноте: он был белокожим и походил на уродливую обезьяну или, вернее, на человекообразный призрак. Когда им овладевал голод, он не знал пощады. Четырнадцать человек он растерзал на месте, а еще трое скончались в больнице.

На третью ночь разъяренные толпы преследователей под предводительством полиции изловили чудовище на Крейн-стрит, близ университетского городка. Добровольцы тщательно организовали поиски, использовав телефонную связь, и, когда с Крейн-стрит поступило сообщение о том, что кто-то скребется в закрытое окно, квартал мгновенно оцепили. Благодаря мерам предосторожности и всеобщей бдительности в ту ночь погибли только два человека, и вся операция по поимке монстра прошла относительно успешно. Он был сражен пулей, хотя и не смертельной, и доставлен в местную больницу при всеобщем ликовании и смятении.

Ибо чудовище оказалось человеком. В этом не могло быть сомнений, несмотря на мутный взгляд, обезьяний облик и дьявольскую свирепость. Злодею перевязали раны и заперли в сумасшедший дом в Сефтоне, где он шестнадцать лет бился головой об обитые войлоком стены – пока не сбежал при обстоятельствах, о которых немногие отваживаются говорить. Следует добавить, что преследователи чудовища были потрясены одним отвратительным фактом: когда лицо людоеда очистили от грязи, то обнаружилось его разительное, можно сказать, неприличное сходство с просвещенным и самоотверженным мучеником – доктором Алланом Халси, всеобщим благодетелем и деканом медицинского факультета.

Омерзение и ужас, охватившие меня и исчезнувшего Херберта Уэста, нельзя передать словами. Меня и теперь бросает в дрожь при мысли о случившемся, пожалуй, даже

сильнее, чем в то утро, когда мой друг пробормотал сквозь бинты: «Черт побери, труп был недостаточно свежим!»

III. Шесть выстрелов в лунном свете

Странно шесть раз подряд палить из револьвера, когда хватило бы и одного выстрела, но в жизни Херберта Уэста многое было странным. К примеру, не так уж часто молодому врачу, выпускнику университета, приходится скрывать причины, которыми он руководствуется при выборе дома и работы, однако с Хербертом Уэстом дело обстояло именно так. Когда мы с ним, получив дипломы, стали зарабатывать на жизнь врачебной практикой, мы никому не признавались, что поселились здесь потому, что дом наш стоял на отшибе, неподалеку от кладбища для бедняков.

Подобная скрытность почти всегда имеет под собой причину, так было и в нашем случае. Наши требования диктовались делом нашей жизни, явно непопулярным у окружающих. Мы были врачами лишь с виду, на самом деле мы преследовали великую и страшную цель – ибо Херберт Уэст посвятил себя исследованию темных и запретных областей неведомого. Он намеревался открыть тайну жизни и научиться оживлять хладный кладбищенский прах. Для опытов такого рода требуется не совсем обычный материал, точнее, свежие человеческие трупы, а чтобы пополнять запас этих предметов, следовало поселиться поближе к месту неформальных захоронений, не привлекая при этом ничьего внимания.

Мы с Уэстом познакомились на медицинском факультете, где, кроме меня, никто не одобрял его дьявольских опытов. Со временем я стал его верным помощником, вот почему, окончив университет, мы решили держаться вместе. Найти хорошую вакансию сразу для двух врачей было нелегко, но наконец, не без помощи факультета, нам удалось получить место в Болтоне – фабричном городке близ Аркхема. Болтонская ткацкая фабрика самая большая в долине Мискатоника, а ее разноязычные рабочие слывут у местных врачей незавидными пациентами. Мы выбрали себе жилище очень придиричиво и наконец остановились на довольно невзрачном строении в самом конце Понд-стрит. Пять домов по соседству пустовали, а кладбище для бедняков начиналось сразу за лугом, в который с севера вдавался узкий клин довольно густого леса. Расстояние до кладбища было несколько больше, чем нам хотелось, но мы не слишком убивались по этому поводу, так как между нашим домом и темным источником наших припасов не попадалось никаких других строений. Прогулка до кладбища была немного долгой, зато мы беспрепятственно могли перетаскивать к себе наши трофеи.

Как ни странно, с самого начала у нас оказалось много работы – достаточно много, чтобы порадовать большинство начинающих врачей, и слишком много для ученых, чьи истинные интересы лежат совсем в другой области. Рабочие фабрики отличались довольно буйным нравом, и бесчисленные драки, во время которых нередко пускались в ход ножи, прибавляли нам хлопот. Ведь по-настоящему нас занимала только наша лаборатория с длинным столом под яркими электрическими лампами, которую мы тайно оборудовали в подвале. Там в предрассветные часы мы нередко впрыскивали приготовленный Уэстом раствор в вену нашим недвижимым жертвам, которых приволакивали с кладбища для бедняков. Уэст исступленно искал состав, способный

восстановить двигательные функции человека, прерванные так называемой смертью, однако на его пути вставали самые неожиданные препятствия. Каждый раз нам приходилось применять новый состав: то, что годилось для морской свинки, не подходило для человека, вдобавок разные экземпляры по-разному реагировали на один и тот же раствор.

Мы отчаянно нуждались в безупречно свежих трупах, ведь даже незначительный распад клеток мозга мог привести к нежелательным последствиям. Однако нам никак не удавалось раздобыть по-настоящему свежий труп – тайные опыты Уэста, которые он проводил в студенческие годы с трупами сомнительного качества, окончились весьма плачевно. Случаи неполного или несовершенного оживления, о которых мы вспоминали с содроганием, страшили нас неизмеримо больше полных неудач. После кошмарного происшествия в заброшенном доме за Мидоу-Хилл над нами нависла смертельная угроза; даже светловолосый, голубоглазый невозмутимый Уэст, ученый сухарь, казалось, начисто лишенный эмоций, не мог избавиться от жуткого ощущения, будто кто-то крадется за ним по пятам. У него появилась мания преследования – не только по причине расшатанных нервов, но и вследствие того, несомненно, тревожного факта, что по меньшей мере один из наших подопытных был жив: я имею в виду кровожадного людоеда в обитой войлоком камере сефтонского сумасшедшего дома. Но оставался еще один – наш первый подопытный, о судьбе которого мы ничего не знали.

Что касается материала для наших опытов, то в Болтоне нам везло гораздо больше, чем в Аркхеме. Не прошло и недели, как в наших руках оказалась жертва несчастного случая, которую мы выкопали ночью, после похорон, и, впрыснув раствор, заставили открыть глаза. Выражение лица у подопытного было на редкость осмысленным, но вскоре действие препарата закончилось. У трупа не хватало руки, будь он цел и невредим, возможно, результаты оказались бы лучше. Затем до января мы раздобыли еще троих. С первым нас постигла полная неудача, у второго отчетливо наблюдалась мышечная деятельность, третий выкинул жуткую штуку: он приподнялся и издал гортанный звук. Затем удача нам изменила – число погребений сократилось, а те, кого все же хоронили, умирали от тяжелых болезней или серьезных увечий. Мы пристально следили за всеми смертями, всякий раз выясняя их причину.

Как-то мартовской ночью нам в руки попал труп не с кладбища для бедняков. В Болтоне, где царил пуританский дух, бокс находился под запретом, и, как обычно бывает в подобных случаях, среди фабричных рабочих стали проводиться тайные, плохо подготовленные бои, в которых изредка принимали участие второразрядные профессионалы. В конце зимы как раз и состоялся подобный матч, исход которого оказался весьма плачевным – к нам среди ночи явились два перепуганных насмерть поляка и сбивчиво стали просить нас тайно осмотреть пострадавшего, который находился в крайне тяжелом положении. Последовав за ними, мы очутились в заброшенном амбаре, где поредевшая толпа притихших иностранцев глядела на недвижимое черное тело, распростертое на полу.

Бой проводился между Кидом О'Брайеном – неуклюжим, дрожавшим от страха молодцем со странным для ирландца крючковатым носом – и Баком Робинсоном по кличке Гарлемская Сажка. Негр пребывал в нокауте и, как показал торопливый осмотр,

уже не имел шансов из него выйти. Это был безобразный, похожий на гориллу детина, с ненормально длинными руками, которые так и подмывало назвать передними лапами, и лицом, вызывающим в памяти неизъяснимые тайны Конго и дробь тамтама под луной. Должно быть, при жизни его тело казалось еще более отвратительным – в мире существует множество уродливых вещей. Жалкая толпа вокруг оцепенела от страха, никто из присутствующих не знал, какое наказание им грозит по закону, если это дело обнаружится. Поэтому они испытали огромное облегчение, когда Уэст, несмотря на невольно охватившую меня дрожь, предложил потихоньку избавиться от трупа – я слишком хорошо понимал, с какой целью.

Над оголившимся от снега ландшафтом ярко светила луна, но мы, одев мертвеца и подхватив его с обеих сторон под руки, поволокли по безлюдным улицам, как некогда кошмарной ночью в Аркхеме. Мы подошли к дому сзади, со стороны пустыря, открыли дверь, спустили труп по лестнице в подвал и подготовили его для обычных опытов. Хотя мы рассчитали время так, чтобы не столкнуться с патрулем, нас мучил нелепый страх перед полицией.

Наши усилия кончились ничем. Несмотря на устрашающий вид, мертвец не реагировал ни на какие растворы, которые мы вводили в его черную руку, впрочем, растворы эти были приготовлены для белых. Поэтому с приближением рассвета мы, опасаясь разоблачения, поступили с ним точно так же, как и с другими трупами, – оттащили через поле в лес у кладбища и бросили в могилу, наспех вырытую в мерзлой земле. Могила была не слишком глубокой, однако ничем не хуже той, которую мы соорудили для его предшественника – того, что уселся на столе и завопил. При свете потайных фонарей мы тщательно засыпали могилу листьями и сухими ветвями в полной уверенности, что в темном густом лесу полиции ее не найти.

На следующий день я со страхом ждал обыска, так как от пациентов мы узнали, что по городу поползли слухи о подпольном матче, закончившемся смертью одного из боксеров. У Уэста появился дополнительный источник беспокойства: один из его врачебных визитов закончился весьма прискорбно. Днем его вызвали к итальянке, впавшей в истерику из-за того, что ее сын, пятилетний мальчуган, ушел из дома рано утром и не вернулся к обеду. При этом у нее развились симптомы, весьма опасные при больном сердце. С ее стороны было глупо так убиваться, ведь мальчик и раньше исчезал из дома, но итальянские крестьяне очень суеверны, и напугали женщину не факты, а дурные предчувствия. Вечером, около семи часов, она скончалась, а обезумевший от горя муж устроил дикую сцену, пытаясь прикончить Уэста за то, что тот не сумел спасти его жену. Итальянец выхватил стилет, но друзья удержали его за руки, и Уэст покинул дом под дикие вопли, обвинения и угрозы. Этот субъект, как назло, совсем позабыл о ребенке, который не вернулся домой и ночью. Кто-то из друзей семьи предложил отправиться на поиски в лес, однако все были заняты умершей итальянкой и ее вопящим мужем. Уэсту пришлось испытать огромное нервное напряжение. Его неотступно терзали мысли о полиции и безумном итальянце.

Мы отправились спать около одиннадцати, но мне не удалось уснуть. В Болтоне была на удивление хорошая для маленького городка полиция, и я мрачно размышлял о том, какая каша заварится, если правда о вчерашнем происшествии выйдет наружу. Это

означало бы конец всем нашим исследованиям вкупе с перспективой оказаться за решеткой. Ходившие по городу слухи о боксерском поединке меня не радовали. После того как часы пробили три, луна стала светить мне прямо в глаза, но я повернулся на другой бок, поленившись встать и опустить штору. Затем послышалась какая-то возня у задней двери.

Я продолжал лежать в каком-то оцепенении, пока не раздался тихий стук в дверь. Уэст был в халате и шлепанцах, в руках он держал револьвер и электрический фонарик. Увидев револьвер, я понял, что он думает не столько о полиции, сколько о безумном итальянце.

– Нам лучше пойти вдвоем, – прошептал он. – Нужно посмотреть, кто там. Быть может, просто пациент – иногда эти болваны ломятся в заднюю дверь.

Мы на цыпочках спустились по лестнице, обуреваемые страхом, который отчасти имел под собой основание, а отчасти был навеян таинственностью глубокой ночи. Кто-то по-прежнему, даже громче, скребся в дверь. Я осторожно отодвинул засов и распахнул ее. Как только луна осветила стоявшую на крыльце фигуру, Уэст сделал странную вещь. Забыв о том, что звуки выстрелов могут привлечь внимание соседей и привести на след грозную полицию – к счастью, наш дом стоял на отшибе и этого не произошло, – мой друг внезапно разрядил в ночного гостя весь барабан револьвера.

Наш визитер оказался не итальянцем и не полицейским. На фоне сияющей луны чернел уродливый гигантский силуэт, который может привидеться только в кошмарном сне: иссиня-черный призрак с остекленевшими глазами, перепачканный кровью, с присохшими к телу листьями и комьями земли. В поблескивающих зубах он держал нечто белое, продолговатое, с крохотными пальчиками на конце.

IV. Вопль мертвеца

Услышав вопль мертвеца, я начал испытывать перед доктором Хербертом Уэстом смертельный ужас, который с каждым годом терзал меня все сильнее. Нет ничего удивительного в том, что человек, услышав вопль мертвеца, испытывает страх – событие это неординарное и не слишком приятное. Однако я уже привык к подобным штукам, и напугали меня чрезвычайные обстоятельства. И, разумеется, не сам мертвец.

Интересы Херберта Уэста, коллегой и помощником которого я был, выходили далеко за рамки обычных занятий провинциального врача. Вот почему, начав практиковать в Болтоне, он поселился в стоящем на отшибе доме рядом с кладбищем для бедняков. В сущности, единственной всепоглощающей страстью Уэста было тайное исследование феномена жизни и смерти, а главной целью – оживление мертвецов с помощью возбуждающих растворов. Для этих жутких экспериментов постоянно требовались свежие человеческие трупы – очень свежие, потому что даже незначительный распад тканей безнадежно повреждал структуру мозга, и обязательно человеческие, потому что, как выяснилось, для различных биологических видов подходили разные растворы. Мы истребили множество морских свинок и кроликов, но этот путь вел в тупик. Уэсту никак не удавалось добиться полного успеха из-за того, что трупы, с которыми он экспериментировал, были недостаточно свежими. Ему нужны были тела, из которых

жизнь улетучилась совсем недавно, тела с неповрежденными клетками, способные, восприняв внешний импульс, вернуться к форме движения, именуемой жизнью. Поначалу у нас была надежда, что с помощью регулярных инъекций мы сможем продлевать эту вторую искусственную жизнь вечно, однако со временем мы обнаружили, что наш раствор не действует на живые объекты – искусственно привести в движение можно было только мертвый организм, но безупречно свежий.

Уэст приступил к своим чудовищным исследованиям в Аркхеме, будучи студентом медицинского факультета Мискатоникского университета. К тому времени он уже не сомневался в том, что жизнь имеет механическую природу. За прошедшие с тех пор семнадцать лет Уэст ничуть не изменился; он остался все тем же невысоким, чисто выбритым блондином в очках, с тихим голосом и сдержанными манерами, и только блеск холодных голубых глаз порой выдавал фанатизм его характера, который под влиянием страшных опытов год от года увеличивался. Мы пережили с ним немало поистине жутких мгновений: под действием оживляющих растворов хладный прах приходил в движение и совершал лишённые смысла, дикие, нечеловеческие поступки.

Один из наших подопытных издал душераздирающий вопль; другой вскочил, избил нас обоих до полусмерти, а после носился в полном исступлении по городу, пока его не заточили в сумасшедший дом; третий, отвратительный африканский монстр, выбрался из тесной могилы и заявился к нам домой – Уэсту пришлось его пристрелить. Из-за того, что тела, с которыми мы проводили опыты, были недостаточно свежими, нам не удавалось зажечь в них хоть искру разума – мы невольно пробуждали к жизни отвратительных чудовищ. Думать о том, что один, а возможно, двое из этих монстров живы, было не слишком приятно – эти мысли преследовали нас неотступно, пока Уэст не исчез при ужасных обстоятельствах. К тому времени, когда в лаборатории, в подвале нашего дома, раздался душераздирающий вопль, желание раздобыть совершенно свежий труп возобладало у Уэста над страхом, превратившись в настоящую манию. Порой мне казалось, что он алчно поглядывает на каждого пышущего здоровьем человека.

В июле 1910 года нам наконец улыбнулась удача. Тем летом я гостил у родителей в Иллинойсе, а возвратившись в Болтон, застал Уэста в весьма приподнятом состоянии духа. Похоже, ему удалось, возбужденно сообщил он, решить проблему сохранения трупов, применив совершенно новый подход – искусственную консервацию. Я знал, что он давно работает над совершенно новым, в высшей степени необычным бальзамирующим составом, и поэтому не удивился его успехам, однако, пока он не объяснил мне все тонкости дела, я никак не мог взять в толк, для чего ему вообще понадобилось бальзамирование, так как трупы, с которыми мы экспериментировали, утрачивали свежесть еще до того, как оказывались у нас в лаборатории. Теперь я понимаю, что Уэст готовил бальзамирующий раствор не столько для настоящего, сколько для будущего употребления, надеясь на судьбу, которая вновь пошлет нам свежий, не тронутый тлением труп, как много лет назад в Болтоне она подарила нам тело негра, погибшего в боксерском поединке. Наконец фортуна сжалилась над нами: в тайной лаборатории, устроенной в подвале, покоился труп без малейших признаков разложения. Результаты оживления Уэст предсказать не брался. Этому эксперименту предстояло стать поворотным пунктом нашего исследования, поэтому Уэст решил

сохранить труп до моего возвращения, чтобы, следуя установившейся традиции, мы вместе наблюдали за происходящим.

Уэст рассказал мне, откуда взялся труп. Две недели назад этот сильный, хорошо одетый мужчина, сойдя с поезда, направился в Болтон, где у него были какие-то дела на ткацкой фабрике. Путь до города оказался неблизким, и, когда незнакомец остановился возле нашего дома, чтобы спросить дорогу, у него разыгрался сердечный приступ. Он отказался принять лекарство и через минуту рухнул замертво у нашего крыльца. Как и следовало ожидать, Уэст воспринял эту смерть как дар небес. Незнакомец успел сообщить, что в Болтоне его никто не знает, а содержимое его карманов свидетельствовало о том, что умерший, Роберт Ливитт из Сент-Луиса, одинок, и, значит, разыскивать его было некому. Если эксперимент не удастся, подумал Уэст, никто о нем не узнает. Мы хоронили подопытных в густом лесу, неподалеку от кладбища для бедняков. А если удастся, мы в одночасье станем знаменитыми. Поэтому мой друг, не теряя времени, впрыснул в запястье умершего состав, который должен был сохранить тело свежим до моего приезда. Уэста, казалось, не слишком волновало то, что причиной внезапной смерти незнакомца было слабое сердце, хотя, на мой взгляд, это обстоятельство могло поставить под вопрос успех всего предприятия. Мой друг верил в свою мечту: он разожжет в мертвом теле искру разума, вернув на этот раз к жизни не монстра, а нормального человека.

Итак, в ночь на восемнадцатое июля 1910 года мы с Уэстом стояли в нашей подпольной лаборатории, глядя на безмолвное белое тело, залитое ослепительным светом дуговой лампы. Бальзамирующий состав подействовал великолепно. Не обнаружив на крепкой плоти следов трупного разложения, хотя тело пролежало в подвале две недели, я не удержался и спросил Уэста, в самом ли деле наш подопытный мертв? Он с готовностью заверил меня в этом, напомнив, что оживляющий раствор действует лишь в тех случаях, когда все жизненные процессы в организме совершенно угасли. Когда мой друг перешел к подготовительному этапу, меня поразила необычайная сложность нового эксперимента – неудивительно, что Уэст запретил мне дотрагиваться до тела. Сначала он ввел лекарство в запястье, в непосредственной близости от того места, куда он впрыснул бальзамирующий состав две недели назад. Это, объяснил он, делается для того, чтобы нейтрализовать состав и вернуть организм в исходное состояние, иначе оживляющий раствор не подействует. Немного позже, когда мертвенно-бледные конечности незнакомца, слегка задрожав, изменили цвет, Уэст торопливо набросил на его искажившееся лицо нечто вроде подушки и держал до тех пор, пока тело не перестало дергаться. Теперь можно было приступить к оживлению. Бледный от волнения Уэст бегло осмотрел абсолютно безжизненное тело, остался доволен увиденным, а затем впрыснул в левую руку трупа точно отмеренную дозу эликсира жизни, приготовленного накануне с великим тщанием, – теперь, в отличие от наших первых студенческих опытов, мы уже не двигались вслепую. Трудно передать, с каким волнением мы, затаив дыхание, следили за этим безупречно свежим экземпляром – мы были вправе ожидать от него разумных слов, а возможно, и рассказов о том, что открылось ему за пределами непостижимой бездны.

Уэст, будучи материалистом, не верил в существование души. Все проявления сознания он объяснял телесными явлениями и, разумеется, не ждал никаких откровений о страшных тайнах невообразимых пучин, поджидающих нас за порогом смерти.

Теоретически я был во многом с ним согласен, но в то же время сохранял остатки примитивной веры своих предков. Вот почему я глядел на недвижимое тело с некоторым трепетом и страхом. К тому же я не мог забыть тот жуткий нечеловеческий вопль, прозвучавший в ту ночь, когда мы ставили наш первый эксперимент в заброшенном загородном доме в Аркхеме.

Вскоре появились первые признаки успеха. Мертвенно-белые щеки залил слабый румянец, и постепенно теплый оттенок распространился по всему лицу, покрытому необычайно густой русой щетиной. Уэст, державший руку на пульсе незнакомца, многозначительно кивнул, и почти тотчас же зеркальце у рта подопытного помутнело. Затем по неподвижному до сих пор телу пробежала судорога, грудь начала вздыматься и опускаться, сомкнутые веки, дрогнув, открылись, и на меня взглянули серые спокойные глаза – глаза живого человека, однако пока без всяких проблесков сознания или даже любопытства.

Поддавшись странной фантазии, я принялся нашептывать в розовеющее ухо вопросы о других мирах, память о которых, возможно, еще была жива в душе того, кто лежал перед нами. Панический ужас, который я вскоре испытал, вытеснил их из моей памяти, но один, последний вопрос я помню до сих пор: «Где вы были?» Я и сейчас не могу сказать, получил ли я ответ, ибо с красиво очерченных губ не сорвалось ни звука, но в тот момент я был уверен, что по беззвучно шевелившимся губам мне удалось прочесть слова «только что», хотя их смысла и значения я не понял. Еще раз повторяю, в тот момент меня переполняла гордость – ибо великая цель, как мне казалось, была достигнута, впервые возвращенный к жизни человек членораздельно произнес слова, подсказанные разумом. Победа представлялась несомненной: раствор подействовал – пусть на время, вернув бездыханному телу жизнь и разум. Но радость мгновенно сменилась паническим ужасом – не перед мертвецом, который вдруг заговорил, а перед человеком, с которым меня много лет связывали профессиональные узы.

Когда наш подопытный – недавний безупречно свежий труп – пришел в себя, его зрачки при воспоминании о последних минутах земной жизни расширились от ужаса, несчастный принялся отчаянно бить в воздухе руками и ногами, как видно, решив дорого продать свою жизнь, и, прежде чем вновь, теперь уж навсегда, погрузиться в небытие, выкрикнул слова, которые до сих пор звучат в моем больном мозгу:

– На помощь! Спасите! Прочь от меня, белобрысый изверг! Убери свой проклятый шприц!

V. Ужас из темного угла

Об ужасах мировой войны рассказывают много душераздирающих историй, не появившихся в печати. От одних мне становится не по себе, от других тошнота подступает к горлу, от третьих бросает в дрожь и тянет оглянуться в темноте. Однако какими бы жуткими ни были эти истории, они не идут ни в какое сравнение с нечеловеческим, неизъяснимым ужасом из темного угла, о котором я собираюсь рассказать.

В 1915 году я в звании младшего лейтенанта служил врачом канадского полка во

Фландрии. Я был одним из многих американцев, опередивших свое правительство в этой гигантской битве. Однако в армии я оказался не по собственной воле, а подчиняясь приказу человека, верным помощником которого я был, – известного бостонского хирурга, доктора Херберта Уэста. Попасть на войну было его давнишней мечтой. И когда такая возможность представилась, он властно потребовал, чтобы я его сопровождал. К тому времени у меня имелись причины желать разлуки, причины, по которым совместная с Уэстом медицинская практика становилась для меня все более тягостной. Но когда он отправился в Оттаву и, используя университетские связи, получил майорскую должность, я не смог противиться его решимости.

Когда я говорю, что доктор Уэст мечтал оказаться на войне, я не имею в виду, что ему нравилось воевать или что он радел за судьбы цивилизации. Он всю жизнь был холодной умной машиной: светловолосый, худощавый, с голубыми глазами за стеклами очков. Уверен, что втихомолку он потешался над редкими всплесками моего военного энтузиазма и над моим негодованием по поводу нейтралитета, вынуждавшего нас бездействовать. Однако на полях сражений Фландрии у Уэста имелся свой интерес, и, чтобы получить желаемое, он надел военную форму, хотя хотел он от войны совсем не того, чего хотят почти все. Его влекла особая область медицины, которой он занимался тайно и в которой достиг поразительных, порой пугающих успехов. Получить в свое распоряжение как можно больше свежих трупов с увечьями различной тяжести, вот чего он хотел, не больше и не меньше.

Свежие трупы нужны были Херберту Уэсту потому, что он всю жизнь посвятил оживлению мертвых. Об этой его страсти не знала модная клиентура, которую он быстро приобрел в Бостоне, но слишком хорошо знал я, его ближайший друг и единственный помощник еще с тех лет, когда мы вместе учились в Аркхеме на медицинском факультете Мискатоникского университета. Тогда он и начал ставить свои ужасные опыты, сначала на мелких животных, а потом и на человеческих трупах, которые добывал самым отвратительным способом. Он впрыскивал им в вены оживляющий раствор, и если трупы были достаточны свежими, то результаты экспериментов оказывались весьма впечатляющими. Уэст долго бился над нужной формулой, так как для каждого биологического вида требовался особый препарат. Когда он вспоминал о своих неудачах, об отвратительных тварях, оживших в результате опытов над недостаточно свежими трупами, его охватывал страх. Некоторые из этих монстров остались в живых – один сидел в сумасшедшем доме, другие исчезли неизвестно куда, и когда Уэст думал о встрече с ними – теоретически вполне возможной, но, в сущности, абсолютно невероятной, – то в глубине души содрогался, несмотря на внешнее спокойствие.

Вскоре Уэст понял, что успех его опытов напрямую зависит от свежести используемого материала, и тогда он освоил гнусное и противоестественное ремесло похитителя трупов. В студенческие годы и после, во времена нашей работы в фабричном Болтоне, я относился к нему с благоговением, однако чем более дерзкими становились его эксперименты, тем сильнее терзал меня страх. Мне не нравилось, как мой друг смотрел на живых и здоровых людей. Затем последовал кошмарный эксперимент в подвальной лаборатории, когда я понял, что человек, лежавший на операционном столе, попал Уэсту в руки еще живым. Тогда ему впервые удалось восстановить у трупа рациональное мышление, но этот успех, купленный столь ужасной ценой, окончательно ожесточил его.

О методах, которые он применял в последующие пять лет, я не решаюсь говорить. Я не ушел от него только из чувства страха и был свидетелем сцен, которые человеческий язык не в силах описать. Я стал бояться Херберта Уэста гораздо больше того, что он делал, – тогда мне и пришло в голову, что нормальное желание ученого продлить человеческую жизнь незаметно выродилось у него в мрачное кровожадное любопытство, в тайную страсть к кладбищенским эффектам. Любовь к науке вылилась в жестокое и извращенное пристрастие ко всему уродливому и противоестественному. Он невозмутимо наслаждался зрелищем самых отвратительных монстров, способных повергнуть в ужас любого здорового человека. За бледным лицом интеллектуала скрывался утонченный Бодлер физического эксперимента, томный Элагабал могил.

Уэст, не дрогнув, встречал опасность, хладнокровно совершал преступления. Он сделался одержимым, убедившись, что может вернуть человеческий разум к жизни, и бросился завоевывать новые миры, экспериментируя на оживлении отдельных частей человеческого организма. У него появились чрезвычайно смелые идеи о независимых жизненных свойствах клеток и нервных тканей, изолированных от естественной физиологической системы. Результаты не заставили себя ждать: используя эмбрионы какой-то отвратительной тропической рептилии, он получил неумирающую ткань, жизнь которой поддерживалась с помощью искусственного питания. Он исступленно искал ответ на два биологических вопроса: во-первых, возможно ли хоть какое-то проявление сознания или разумное действие без участия головного мозга, только как результат функционирования спинного мозга и нескольких нервных центров; во-вторых, существует ли бесплотная, неосязаемая связь между отдельными частями некогда единого живого организма. Вся эта исследовательская работа требовала огромного количества свежерасчлененной человеческой плоти – вот для чего Херберт Уэст отправился на войну.

Фантастическое, неопишемое событие произошло в полночь, в конце марта 1915 года, в полевом госпитале близ Сент-Элуа. Я до сих пор не могу избавиться от ощущения, что все это мне приснилось в страшном бредовом сне. В восточном крыле возведенного наспех здания, напоминавшего амбар, располагалась лаборатория Уэста, которую он получил якобы для того, чтобы разрабатывать новые радикальные методы лечения безнадежно тяжелых увечий. Там, в окружении покрытых запекшейся кровью трупов, он работал, словно мясник, я никогда не мог привыкнуть к тому, с какой легкостью он отсекал и сортировал различные части тела. Порой он и в самом деле творил для солдат чудеса хирургии, но главные его успехи носили не столь публичный и благотворительный характер. В его лаборатории раздавались самые разные звуки, странные даже среди этой кровавой вакханалии. Там часто звучали револьверные выстрелы, привычные на поле брани, но совершенно неуместные в больнице. Подопытным доктора Уэста не приходилось рассчитывать на долгую жизнь или широкую аудиторию. Помимо человеческой ткани, он использовал материал, полученный от эмбрионов рептилии, который он культивировал с необычайным успехом. С помощью этого материала Уэст научился поддерживать жизнь в отдельно взятых частях человеческого организма – именно этим и занимался теперь мой друг. В темном углу лаборатории, над горелкой причудливой формы, выполнявшей роль инкубатора, он держал огромный закрытый чан с клеточной тканью рептилии, которая, отвратительно вздуваясь и булькая, росла как на дрожжах.

Той памятной ночью в нашем распоряжении оказался великолепный экземпляр: труп человека, очень крепкого физически и в то же время обладавшего блестящим умом, что свидетельствовало о наличии чувствительной нервной системы. Судьба сыграла с ним злую шутку, ибо именно он ходатайствовал о присвоении Уэсту военного звания. Мало того, в прошлом он тайно изучал теорию реанимации под руководством Уэста. Сэр Эрик Морланд Клапем-Ли, майор, кавалер ордена «За безупречную службу», лучший хирург нашей дивизии, был срочно откомандирован в сектор Сент-Элуа после того, как командование получило сведения о шедших здесь тяжелых боях. Он вылетел на аэроплане, за штурвалом которого сидел отважный лейтенант Рональд Хилл, но непосредственно над местом назначения аэроплан был сбит. Мы в ужасе следили за его падением. От Хилла почти ничего не осталось, но труп великого хирурга почти не пострадал, если не считать полуоторванной головы. Уэст жадно оглядел безжизненное тело человека, некогда бывшего его другом и коллегой. Я с дрожью наблюдал за тем, как он, отрезав голову, поместил ее в адский чан с пульсирующей тканью рептилии, чтобы сохранить для будущих опытов, и подошел к обезглавленному телу, лежавшему на операционном столе. Уэст добавил в него новой крови, соединил вены, артерии и нервы на обрубке шеи и затянул страшную рану куском чужой кожи, которую взял у неопознанного трупа в офицерской форме. Я знал, чего он хочет: посмотреть, не появятся ли в этом высокоорганизованном обезглавленном теле хоть какие-то признаки умственной деятельности, которой отличался сэр Эрик Морланд Клапем-Ли. По злой иронии судьбы безмолвные останки человека, некогда изучавшего теорию реанимации, теперь должны были сами послужить во славу науки.

У меня перед глазами и сейчас стоит страшная картина: в мертвенном свете электрической лампы Херберт Уэст вводит оживляющий раствор в руку обезглавленного тела. Подробности этой сцены я описать не в силах – ибо дух безумия витал в комнате, заваленной рассортированными частями трупов, с липким от крови полом, почти по колению усыпанным обрезками человеческой плоти, где в дальнем темном углу над дрожащим голубовато-зеленым пламенем варилось, пухло и пузырилось гнусное месиво из ткани рептилии.

Экземпляр, лежавший на операционном столе, обладал превосходной нервной системой, Уэст хорошо это знал и ждал многого. Когда конечности трупа начали слегка подрагивать, в глазах моего друга зажегся лихорадочный интерес. По-моему, он ждал подтверждения своей теории, согласно которой сознание, разум и прочие составляющие личности способны существовать независимо от головного мозга. Херберт Уэст отрицал существование объединяющего, главенствующего начала, называемого духом. Он утверждал, что человек есть механизм, состоящий из нервной материи, каждая часть которого обладает большей или меньшей самостоятельностью. И вот всего один блестящий эксперимент должен был разоблачить тайну жизни, низведя ее до уровня мифа. Вскоре по неподвижному телу пробежала дрожь, мы с ужасом и отвращением наблюдали за тем, как оно, судорожно корчась и беспокойно двигая руками и ногами, стало медленно приподниматься. Затем обезглавленный труп в отчаянии простер руки – сомнений быть не могло, это был жест осмысленного отчаяния, блестяще подтверждавший теорию Уэста. Наверняка нервы майора вспомнили последние минуты его жизни – отчаянную попытку выбраться из падающего самолета.

Что было дальше, я никогда не узнаю. Возможно, у меня была галлюцинация, вызванная мощным взрывом немецкого снаряда, попавшего в наше здание прямой наводкой, – кто станет это отрицать, если из-под обломков выбрались только мы с Уэстом? Мой друг, до того как исчезнуть, любил порассуждать на эту тему, но иногда ему становилось не по себе: странно, что у нас обоих была одна и та же галлюцинация. В сущности, произошла простая вещь, однако чреватая ужасными последствиями.

Отвратительно шаря вокруг себя руками, труп приподнялся, и мы услышали звук. Слишком ужасный, чтобы назвать его голосом. Но самым ужасным был не тембр. И не смысл услышанного – это была простая фраза: «Прыгай, Рональд, ради бога, прыгай!» Весь ужас крылся в источнике звука.

Ибо он исходил из огромного чана в проклятом углу, где копошились черные тени.

VI. Имя им легион

После того как год назад доктор Херберт Уэст исчез, бостонская полиция не раз меня допрашивала. Они подозревали, будто я что-то утаиваю, а возможно, и кое-что похуже. Но я не мог сказать им правды – они бы все равно мне не поверили. Разумеется, им было известно, что деятельность Уэста выходила за общепринятые рамки. Он проводил свои жуткие эксперименты по оживлению мертвых тел так давно и так широко, что о полной секретности не могло быть и речи. И все же последняя катастрофа, от которой я до сих пор не могу прийти в себя, настолько изобиловала элементами дьявольской фантазии, что даже я сомневаюсь в реальности увиденного.

Я был ближайшим другом и верным помощником Уэста. Мы встретились давно, еще на медицинском факультете, и с первых дней я принимал участие в его ужасных исследованиях. Он настойчиво пытался усовершенствовать раствор, который вводился в вену недавно умершего человека, чтобы вернуть его к жизни. Для этих опытов нам требовалось много свежих трупов, и добывали мы их весьма необычными способами. Иногда наши эксперименты заканчивались поистине ужасно: жуткие комья мертвой плоти Уэст пробуждал к тошнотворной, слепой, бессознательной жизни. Обычно результаты наших опытов бывали именно такими. Пробудить разум можно только у совершенно свежего трупа, пока еще не начался распад клеток мозга.

Нужда в безупречно свежих трупах и погубила Уэста. Достать их было негде, и он посягнул на жизнь здорового, полного сил человека. Борьба, шприц – и мощный алкалоид превратил беднягу в чрезвычайно свежий труп. Успех эксперимента был впечатляющим, но недолгим. Уэст вышел из него с опустошенной, огрубевшей душой и тяжелым взглядом, который он, случалось, останавливал на особо крепких людях с особо чувствительным мозгом. Со временем я стал смертельно бояться Уэста: он точно так же начал поглядывать и на меня. Казалось, люди не замечали этих взглядов, однако заметили мой страх, который и послужил основанием для нелепейших подозрений после того, как Уэст исчез.

На самом деле Уэст боялся еще больше моего. Из-за своих омерзительных занятий он вынужден был вести жизнь затворника, опасаясь каждой тени. Временами он боялся полиции, а временами испытывал подсознательный смутный страх перед жуткими

созданиями, в которых он вдохнул болезненную жизнь, но не успел ее отобразить. Обычно Уэст завершал свои опыты выстрелом из пистолета, но в некоторых случаях оказался недостаточно расторопным. Первый наш подопытный оставил на своей могиле следы когтей. Профессор из Аркхема сделался людоедом, но был изловлен и заточен в сефтонский сумасшедший дом, где целых шестнадцать лет бился головой о стены. О других, возможно, уцелевших объектах наших опытов говорить сложнее: в последние годы научные интересы Уэста выродились в нездоровую причудливую манию, и все свое незаурядное мастерство мой друг употреблял на оживление отдельных частей человеческого тела, которые он иногда присоединял к чужеродной органической ткани. Со временем страсть Уэста приняла совершенно уродливую форму, и о многих его экспериментах невозможно даже заикнуться в печати. Мировая война, на которой мы оба служили хирургами, лишь усугубила эту страсть.

Когда я говорю, что страх Уэста перед своими созданиями был смутным, я прежде всего хочу подчеркнуть сложную природу этого чувства. Отчасти его страх был вызван просто знанием о существовании безымянных монстров, а отчасти – пониманием опасности, которую они могли бы представлять для него при определенных условиях. То, что они исчезли, придавало ситуации особую остроту: если не считать бедняги в сумасшедшем доме, Уэст ничего не знал о судьбе своих креатур. К этому примешивался еще более неопределенный страх: совершенно фантастическое ощущение, испытанное нами в ходе необычного эксперимента в 1915 году, когда мы служили в канадской армии. В разгар жестокой битвы Уэст оживил сэра Эрика Морланда Клапем-Ли, нашего коллегу, кавалера ордена «За безупречную службу». Тот знал об опытах Уэста и был способен их повторить. Чтобы изучить возможность квазиразумной жизни в теле, Уэст удалил у трупа голову. За несколько мгновений до того, как здание, в котором мы работали, было стерто с лица земли немецким снарядом, обезглавленное тело совершило несколько осмысленных движений. Но самое невероятное заключалось в том, что мы оба отчетливо слышали жуткие членораздельные звуки, которые издала отрезанная голова, лежавшая в темном углу лаборатории. Немецкий снаряд оказался к нам милостивым – отчасти. Однако Уэст так никогда и не узнал, одни ли мы уцелели после обстрела. Порой он делал разные предположения о том, как может повести себя обезглавленный хирург, владеющий искусством оживления трупов.

В последние годы Уэст жил в роскошном особняке близ одного из старейших кладбищ Бостона. Он выбрал это место из символических и эстетических соображений: большая часть захоронений относилась к колониальному периоду и, следовательно, не представляла интереса для ученого, ставящего опыты на абсолютно свежих трупах. В подвальной лаборатории, которую тайно строили иностранные рабочие, стояла большая электрическая печь, с помощью которой мой друг мог легко и быстро избавляться от трупов или отдельных частей человеческого тела, как бы в насмешку соединенных с чужеродной тканью, – мрачных свидетельств кошмарных развлечений владельца дома. Копая этот подвал, рабочие наткнулись на древний подземный ход, который, несомненно, вел к старому кладбищу, однако не мог соединяться ни с одним из известных склепов, так как располагался слишком глубоко. Проведя некоторые подсчеты, Уэст пришел к заключению, что ход ведет в тайную камеру, расположенную под склепом Авериллов, последнее захоронение в котором датировалось 1768 годом. Я

вместе ним осматривал изъеденные временем влажные стены, обнажившиеся под ударами лопат и мотыг, и уже предвкушал мрачное удовольствие, которое сулит нам раскрытие древних могильных тайн, однако впервые в жизни страх возобладал у Уэста над природным любопытством, и мой товарищ проявил слабость, приказав заделать отверстие и заштукатурить стену. Вплоть до дьявольской ночи, когда наступила развязка, эта стена оставалась нетронутой. Говоря о слабости Уэста, я должен заметить, что она касалась лишь его душевного состояния и внешне никак не проявлялась. Он был таким, как прежде: спокойным, сдержанным, светловолосым, худощавым, за стеклами очков все так же поблескивали голубые глаза, и весь его юношеский облик, несмотря на терзавшие Уэста страхи, с годами никак не изменился. Он казался спокойным даже тогда, когда вспоминал о следах когтей на могиле, и оглядывался назад, когда вспоминал о кровожадном маньяке, грызшем зубами сефтонскую решетку.

Час расплаты настал, когда мы как-то вечером сидели в нашем общем кабинете и Уэст, изредка поглядывая на меня, читал газету. Листая мятые страницы, он наткнулся на странный заголовок – и словно безмянный гигантский коготь настиг его шестнадцать лет спустя. В сефтонском сумасшедшем доме, в пятидесяти милях от Бостона, произошло нечто ужасное и непостижимое. Случай этот всполошил всю округу и привел в замешательство полицию. Перед рассветом несколько человек в полном молчании вошли в помещение, и их предводитель разбудил служителей. Грозного вида военный говорил, не разжимая губ. Его голос, напоминавший голос чреовещателя, казалось, исходил из большого черного ящика, который тот держал в руках. Когда военный оказался в холле и на его бесстрастное ослепительно красивое лицо упал свет, то надзиратель едва удержался на ногах: он увидел восковую маску с глазами из цветного стекла. Похоже, этот человек когда-то пережил ужасную катастрофу. За ним по пятам шел отвратительный громила с синюшным лицом, половина которого была изъедена какой-то неизвестной болезнью. Военный потребовал ключ от палаты, где содержался людоед, доставленный сюда из Аркхема шестнадцать лет назад. Получив отказ, он подал своим сообщникам знак, и те принялись крушить все вокруг. Злодеи избивали и рвали зубами всех, кто не успел спастись бегством. Убив четырех санитаров, они в конце концов освободили монстра. Свидетели происшествия, у которых достало душевных сил вспоминать о нем без истерики, утверждают, что нападавшими командовал человек с восковым лицом и действовали они не как живые люди, а как автоматы. Когда помощь наконец подоспела, злодеи успели скрыться, прихватив с собой безумца людоеда.

Прочитав сообщение в газете, Уэст просидел в оцепенении до полуночи. В полночь раздался звон дверного колокольчика, повергший его в неопишуемый ужас. Слуги спали на верхнем этаже, поэтому я пошел открыть дверь. Я уже говорил полиции, что на улице не было ни повозки, ни машины. Перед дверью стояли несколько человек очень странного вида. Они внесли в холл большой прямоугольный ящик и поставили его на пол, а один из пришедших совершенно неестественным голосом прохрипел: «Срочный груз – доставка оплачена». Слегка подпрыгивая, они гуськом вышли на улицу, и, пока я смотрел им вслед, мне в голову пришла довольно странная мысль – что они направляются к старому кладбищу, к которому примыкала задняя стена нашего дома. Когда я затворил за ними дверь, Уэст вышел и посмотрел на ящик. Тот был около двух футов в длину, на крышке значились полное имя и адрес Уэста. Чуть ниже виднелась

надпись: «От Эрика Морланда Клапем-Ли, Сент-Элуа, Фландрия». Шесть лет назад во Фландрии в наш госпиталь угодил немецкий снаряд, и под обломками остались обезглавленное тело доктора Клапем-Ли и его отрезанная голова, которая – возможно – издавала членораздельные звуки.

Уэст казался совершенно спокойным, хотя дела его были хуже некуда. «Это конец... давай сожжем... эту штуку». Мы отнесли коробку в лабораторию, прислушиваясь. Подробностей я не помню... представьте мое состояние... но это гнусная клевета, что я сжег Уэста. Мы с ним вдвоем поместили ящик в печь, даже не посмотрев, что там внутри, закрыли дверцу и включили ток. Причем из коробки не раздалось ни звука.

Уэст первым заметил, что от стены в том месте, где была древняя кладка, отвалилась штукатурка. Я бросился к двери, но он остановил меня. Затем в стене появилось маленькое черное отверстие, повеяло кладбищенским холодом, и в воздухе распространился запах тления. Стояла мертвая тишина. Электричество погасло, и в потустороннем свете я увидел толпу молчаливо бредущих существ, которых мог породить лишь воспаленный ум – или ад. Их очертания были человеческими, получеловеческими, отчасти человеческими и вовсе нечеловеческими – толпа была до безобразия разношерстной. Неторопливо, камень за камнем, они разбирали вековую стену. Когда отверстие сделалось достаточно широким, они один за другим проникли в лабораторию. Во главе отряда шествовал военный с восковой головой. Сразу за ним – чудовище с безумными глазами, которое и схватило Херберта Уэста. Уэст не сопротивлялся и не издал ни звука. Тогда эти мерзкие твари накинулись на него и прямо у меня на глазах разорвали на куски, которые унесли с собой в отвратительную подземную обитель. Голову Уэста нес их предводитель с восковой головой и в форме канадского офицера. Тогда я заметил, что в голубых глазах за стеклами очков впервые вспыхнуло неподдельное чувство.

Утром слуги нашли меня на полу без сознания. Уэст бесследно исчез. В печи обнаружили золу неизвестного происхождения. Меня допрашивали детективы, но что я мог им сказать? Они не усматривают никакой связи между сефтонской трагедией и исчезновением Уэста. Не верят в существование людей, принесших ящик. Я рассказал им о подземном ходе, но они, смеясь, указали на неповрежденную оштукатуренную стену. Поэтому я не стал им больше ничего говорить. Они считают меня сумасшедшим или убийцей – возможно, я сошел с ума. Но виноваты в этом проклятые мертвецы, не проронившие ни звука.

Перевод: Наталья Кротовская

2000 год